

Серия «Кавказские этнографические сборники» (КЭС) — издание, давно зарекомендовавшее себя в кавказоведении. Начиная с первых выпусков, опубликованных в 1950-х годах, эти сборники всегда вызвали живой интерес как у специалистов — историков и этнографов, так и у всех любителей кавказской этнографии. Показателем большого интереса к изданию может служить тот факт, что приобрести очередной выпуск КЭС бывает чрезвычайно сложно даже в первые дни после его выхода. Авторитет у издания вполне заслуженный. Это объясняется не только его высоким научным уровнем, но и разнообразием рассматриваемых кавказоведческих проблем. В то же время отрадно, что исследования московских кавказоведов идут в русле основных направлений, характерных для современного этапа советской этнографической науки: этнические процессы в прошлом и настоящем, новое и традиционное в бытовой культуре, этническое развитие малых народов и этнографических групп и т. д. Рецензируемый VII выпуск не является в этом плане исключением.

Книга открывается статьей В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова «Хан-Гирей и его „Записки о Черкесии“», посвященной жизни и деятельности одного из видных представителей адыгской культуры XIX столетия, истории создания и анализу его известного историко-этнографического сочинения. К сожалению, в короткой жизни Хан-Гирея много невыясненного и запутанного. Данное разыскание В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова позволяет внести ряд уточнений и поправок в его биографию. Однако изучение биографии выдающихся личностей имеет своей целью не только удовлетворение вполне понятного интереса к ней последующих поколений. Главный смысл лежит здесь несколько в иной плоскости. Известно, что в жизнедеятельности выдающихся личностей всегда отражена эпоха, выдвинувшая их на историческое поприще, с ее идейными исканиями и духовными запросами. Хан-Гирей принадлежал к первой плеяде адыгских просветителей, выступивших в середине прошлого века, в период, когда интенсивно протекал объективный и исторически прогрессивный процесс вхождения ряда народов Кавказа в состав Российского государства, когда все более укреплялись давние и многосторонние культурные связи народов Кавказа с Россией¹. Коренные изменения в судьбе родины способствовали пробуждению и росту национального самосознания горских народов, и в частности адыгов. У истоков этого широкого общественного движения стоял Хан-Гирей и другие представители передовой адыгской и — шире — кавказской интеллигенции того времени.

Ничто так не способствует росту национального самосознания, как осмысление собственной истории, поэтому закономерно, что Хан-Гирей занялся именно вопросами истории и этнографии родного народа. Однако у его главного труда самая трагическая судьба, какая может постигнуть написанное произведение. «Записки о Черкесии» не увидели свет ни при жизни автора, ни спустя много лет после его смерти. О причинах этого подробно и обстоятельно говорят авторы статьи. Лишь после случайной находки рукописи Хан-Гирея в 1958 г. появилась возможность ее публикации². Несомненно, появление в печати «Записок о Черкесии» явилось заметным событием в кавказоведении последних лет.

Статья Н. Г. Волковой «Хыналыг» интересна уже потому, что это фактически первое в этнографической литературе монографическое описание данного малого народа Кавказа. Автор в большей или меньшей степени касается этногенеза хыналыгцев, а также их этнической и социальной истории. Задачи, стоявшие перед Н. Г. Волковой, были очень сложными. Дело в том, что у исследователя данной проблемы практически отсутствует комплекс необходимых источников, позволяющих реконструировать этапы этногенетического процесса. Археологически и антропологически район Хыналыга совершенно не изучен. Характер сведений античных и средневековых источников также не дает возможности делать далеко идущие выводы о генетической преемственности современного и древнего населения на территории Восточного Кавказа. Поэтому осторожная позиция Н. Г. Волковой в этом вопросе вполне понятна. Тем не менее, основываясь на данных лингвистики, она считает возможной этногенетическую связь между хыналыгцами и кавказоязычным населением Албании.

Видимо, скудостью источников можно объяснить довольно краткий очерк общественного строя, а также общественного быта хыналыгцев. У нас имеются довольно подробные данные о Хыналыге лишь последней четверти XIX в., которые в максимальной степени были использованы автором статьи. Важные этнографические материалы получены Н. Г. Волковой в поле. Они существенно дополнили имеющиеся литературные свидетельства и помогли автору дать очень ценное и интересное описание хыналыгцев, их традиционной и современной бытовой культуры. Н. Г. Волкова зафиксировала присутствие в ней трех пластов: общекавказского, азербайджанского и европейского, причем проникновение в повседневную жизнь двух последних все более интенсифицируется. Автор отмечает непрерывный процесс слияния хыналыгцев с крупным соседним этносом — азербайджанцами.

Вообще кавказский материал предоставляет широкое поле деятельности для исследования такой важной проблемы, как этническое развитие малых народов в окружении крупных этносов, для изучения особенностей протекания объективных ассимиляционных и интеграционных процессов. Между тем этот материал еще не в полной

¹ Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители. — Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова, Нальчик: Эльбрус, 1978.

мере привлек внимание этнографов. Более того, мы еще недостаточно знаем, так сказать, исходный материал для выяснения конечных результатов этнических процессов — конкретную этнографию многих местных народностей и этнографических групп, активно участвующих в трансформационных процессах. Так, насколько мне известно, нет ни одной научной публикации по соседям хыналыгцев — будугам и крызам, также сливающимся в настоящее время с азербайджанцами. Мало исследованы многочисленные народности аварской группы, консолидирующиеся ныне в единую нацию. Поэтому работы, подобные той, которую провела Н. Г. Волкова, будут всегда с интересом встречаться специалистами разного профиля.

Одним из важных традиционных направлений этнографического кавказоведения является изучение хозяйства и хозяйственного быта народов Кавказа. Исследование названной проблемы представляется особенно существенным в последние годы в связи с подготовкой общекавказского историко-этнографического атласа, в котором раздел «Хозяйство» — один из главных. Поэтому статья Б. А. Калоева «Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт», основанная на значительных архивных и полевых материалах, собиравшихся автором в течение ряда лет, важна именно в связи с научной работой в этом направлении.

Однако работа Б. А. Калоева интересна не только возможностью использования в атласе представленных в ней материалов. Как видно из названия статьи, автор описывает особую группу осетин-переселенцев, оседавших в окрестностях Моздока с 1763 г. по начало XIX в. Этнокультурное развитие этих мигрантов, включавших осетин-иронцев, дигорцев и туалыцев, в течение более 200 лет происходило в постоянном тесном общении с другими народами, населявшими этот район Северного Кавказа, — армянами, русскими, грузинами, адыгами, карангайцами. Все это, конечно, влияло на жизненный уклад осетинских переселенцев. Проследить конкретный механизм и результаты этого влияния (возможно, взаимовлияния) — интересная этнографическая задача. Правда, эта сторона исследования в статье Б. А. Калоева представлена довольно фрагментарно, но материал для соответствующих разысканий в ней имеется.

Исследование отдельных элементов материальной культуры — тема двух работ сборника: В. П. Кобычева — «О местоположении камина в традиционном жилище народов Северного Кавказа (К вопросу о методологии изучения народного жилища)» и Г. А. Сергеевой — «Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX вв.». Авторы рассматривают вопросы, почти неразработанные в кавказской этнографии. Поэтому обе работы ценны не только своими обширными материалами, но и постановкой темы. Как и статья Б. А. Калоева, исследование В. П. Кобычева и Г. А. Сергеевой являются несомненным вкладом в разработку Кавказского историко-этнографического атласа.

Ставя перед собой цель определить местоположение камина в традиционном кавказском жилище, В. П. Кобычев выявляет удивительный разноречивый ряд мнений, которые существуют по этому поводу как в дореволюционной, так и в советской этнографической литературе. Автор считает, что причина этого в том, что камин, являвшийся для северокавказских народов новым и малопривычным элементом материальной культуры (он начал вытеснять традиционный очаг лишь в послереформенное время), и не имел устойчивого местоположения. Тем не менее, анализируя литературные и собственные полевые данные, В. П. Кобычев выясняет, что преобладающим было все-таки местоположение камина у фасадной стены.

Содержание статьи шире ее заглавия. Автор не ограничивается рассмотрением вышесказанного вопроса, а характеризует очаг во взаимодействии с некоторыми сторонами быта и культуры северокавказских народов. «Очаг, — пишет В. П. Кобычев, — фактически отождествлялся с жилищем». Эта мысль делает понятной огромную роль очага в общественной и семейной жизни кавказских горцев, в системе их идеологических представлений. В статье много фотоматериалов и рисунков, иллюстрирующих основную идею исследования.

Работа Г. А. Сергеевой не первая публикация автора по материальной культуре народов Дагестана³. Автор верен давно избранной теме, и каждое его новое исследование раскрывает иные грани народной культуры дагестанцев. В основу предложенной Г. А. Сергеевой классификации аварских женских украшений положен способ их ношения и функциональное назначение. Внутри этих крупных градаций даны более мелкие подразделения.

Работа Г. А. Сергеевой насыщена интересным материалом, который собирался автором в течение ряда лет во всех районах Аварии. Для исследования привлечены также коллекции различных музеев страны, в частности Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Исторического музея, Государственного музея Грузии и др. Органическую часть статьи составляют иллюстративные материалы, наглядно показывающие художественную ценность дагестанских украшений. (Следует отметить прекрасные этнографические снимки, выполненные Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым.) Остается только пожалеть, что эти материалы изданы лишь в черно-белом изображении и читатель лишен возможности увидеть великолепную цветовую гамму народных ювелирных украшений. Думаю, статья Г. А. Сергеевой будет интересна не только этнографам, но и представителям других специальностей, и прежде всего искусствоведам и художникам.

³ См., например, *Сергеева Г. А.* Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время. — Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.

Статья Я. С. Смирновой «Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи» основывается на результатах этносоциологического исследования, проведенного в 1973 г. Северо-Осетинским НИИ при участии автора. Одновременно автором были использованы собственные полевые наблюдения, сделанные в ряде районов Северной Осетии. Я. С. Смирнова справедливо отмечает, что, будучи социальным институтом, семья и все ее параметры не могут не соответствовать социально-экономическим условиям общества. В то же время многие стороны семейного быта обладают относительной консервативностью. Поэтому семья как срез, на фоне которого исследуются традиции и новации в одной из сфер бытовой культуры осетин, позволяет вполне зримо представить их диалектическое единство, переплетение и взаимопроникновение. В работе сопоставляются дореволюционные данные и показатели уже упоминавшегося этносоциологического обследования, в результате чего явственно видны огромнейшие изменения, происшедшие в семейном быту осетин за годы Советской власти. Я. С. Смирнова прослеживает их как в материальной, так и, самое главное, в духовной культуре осетинского сельского населения.

Думается, особенно интересны те разделы статьи, в которых автор анализирует изменения характера внутрисемейных отношений. Как известно, они в наибольшей степени определялись нормами старинного патриархального быта и отступление от них особенно сурово осуждалось и преследовалось. Неукоснительное следование традиционным нормам поведения порой принимало гипертрофированные формы, становясь по существу отрицательной стороной старой горской жизни. Это, естественно, вступало в противоречие с новыми условиями социалистической действительности. Я. С. Смирнова отмечает, что одни семейно-бытовые традиции, несовместимые с советским образом жизни, исчезли или исчезают; другие, проникнутые гуманизмом народной культуры, получают новую жизнь в современной социалистической действительности.

Современной сельской семье другого кавказского этноса — армян посвящена статья А. Е. Тер-Саркисянц «Основные тенденции развития современной сельской семьи у армян». Работа построена на сопоставлении данных двух экспедиций автора в одни и те же районы Армянской ССР. Первая была проведена автором в 1965—1966 гг., вторая — в 1976—1977 гг. Таким образом, прослеживается развитие армянской сельской семьи за десятилетие. Обширный материал сведен в статистические таблицы. Они занимают большое место в работе, возможно, даже несколько в ущерб ее текстовой части. Однако с их помощью наглядно характеризуется численный и поколенный состав семьи, динамика брачного возраста, возрастной состав брачующихся, развитие национально-смешанных браков. Очень интересны раздел, посвященный описанию бытовых особенностей национально-смешанных семей, и материалы об изменениях в свадебной и похоронной обрядности, фиксируемых за десятилетний срок. А. Е. Тер-Саркисянц считает, что важной тенденцией современности является постепенное стирание различий в быту, в частности семейном, армян разных этнографических районов. Вместе с тем она отмечает, что многие тенденции развития современной армянской семьи являются общими для всех советских народов.

Г. В. Цулая уже давно зарекомендовал себя как прекрасный переводчик и вдумчивый комментатор средневековых грузинских источников. В сборнике он выступает с переводом извлечений из анонимного «Хронографа» XIV в. Это сочинение занимает особое место в истории грузинского летописания. Г. В. Цулая считает, что его автор является родоначальником реалистического направления в средневековой грузинской исторической мысли. В кратком, но весьма содержательном введении к переводу освещена политическая и этническая ситуация в Грузии того периода; комментарии органически дополняют эту характеристику, являясь в то же время ключом к пониманию неясных мест самого источника. Особо следует отметить фундированность комментариев: в них использованы многочисленные грузино- и армяноязычные источники, труды многих отечественных и зарубежных историков.

Л. И. Лавров выступает в сборнике с двумя статьями. Одна из них — «Топонимические заметки» представляет собой уже не первый опыт автора дать этимологию ряда северокавказских и дагестанских топонимов. Как и предыдущие, данные заметки отличаются оригинальностью подхода и смелостью предлагаемых интерпретаций, основанных на глубоких знаниях автором истории, этнографии и географии региона — триады, без которой, наверное, не нужно даже пытаться найти ключ к пониманию условий, приведших к закреплению за данным пунктом того или иного названия. Во второй статье — «Еще об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора» Л. И. Лавров продолжает дискуссию о значении отдельных положений в научном наследии видного адыгского просветителя XIX в. для современной историко-этнографической науки. В свое время Л. И. Лавров вполне убедительно показал ряд ошибок, содержащихся в «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, и предостерег от безусловной веры к сообщаемым им сведениям⁴. Это выступление вызвало критические отзывы, на которые Л. И. Лавров отвечает в рецензируемом сборнике. Он вновь призывает «покончить с непонятной для здравого смысла верой в непогрешимость гипотез, рожденных в эпоху, когда кавказоведение пребывало еще в младенческом состоянии». Это мнение мне представляется безусловно верным. Успехи современного кавказоведения во многом стали возможны благодаря фундаменту, заложенному дореволюционной отечественной и зарубежной наукой. Как современные, так и будущие исследователи культуры и быта народов Кавказа неизменно будут обращаться к этому бесценному наследию в поисках фактов, описаний и суждений очевидцев. Однако кри-

⁴ Лавров Л. И. Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора. — Сов. этнография, 1969. № 2

тический подход к сведениям наших предшественников, каким бы эмоциональным ни было восприятие их имени в глазах потомков, должен стать аксиомой, иначе легко можно отступить от многих завоеваний научного кавказоведения.

В целом можно дать самую положительную оценку труду московских кавказоведов. Остается пожелать, чтобы традиции изданий КЭС не прерывались и в ближайшее время мы бы увидели очередной его выпуск.

Ю. Д. Анчабадзе

Русский фольклор. Библиографический указатель 1901—1916. Составила М. Я. Мельц. Под редакцией С. П. Луппова и А. Д. Соймонова. Л.: Б-ка АН СССР, 1981. 478 с.

Первые десятилетия XX в.—сложный и противоречивый период в развитии фольклористики, пора идейных исканий и обостренного интереса к народной жизни. Появляется множество публикаций фольклорных текстов, причем часто в незначительных и малоизвестных изданиях. Наряду с крупными, уже известными исследователями и собирателями начинают печатать свои первые работы будущие корифеи советской фольклористики. Фольклор привлекает внимание людей самых различных взглядов и специальностей, становится нередко скрытым или явным орудием классовой борьбы. Происходит становление марксистской науки о фольклоре. Подготовленный М. Я. Мельц «Библиографический указатель» служит превосходным путеводителем в этом море самой разнообразной печатной продукции.

М. Я. Мельц — крупный специалист по библиографии фольклора, автор многих тематических библиографий, публиковавшихся в различных изданиях, составитель трех томов библиографии «Русский фольклор», посвященных публикациям 1917—1965 гг.¹ Рецензируемый указатель — четвертый том библиографической серии «Русский фольклор».

Научный редактор предшествующих трех томов — А. М. Астахова внесла большой вклад в разработку принципов построения указателей, их структуры, была автором вступительных статей к ним. Памяти ее М. Я. Мельц посвятила четвертый том библиографии «Русский фольклор».

В указателе — 4093 номера. Почти все названные в нем публикации описаны и проверены *de visu*, а те, которые составителю не удалось видеть и держать в руках, специально оговариваются. Как и в предыдущих томах, работы, названия которых не дают представления об их содержании или отражают его не полностью, аннотируются. Кроме того, перечисляются рецензии на названные труды.

Материал, изученный составителем, огромен. М. Я. Мельц в результате сплошного просмотра множества периодических и специальных изданий выявила забытые или затерявшиеся фольклорные тексты, интересные исследования. Ею описаны солидные научные издания, такие, как «Этнографическое обозрение», «Живая старина», и популярные иллюстрированные, вроде «Нивы», «Аполлона»; извлечены материалы из «Вестника Европы» и «Богословского вестника», губернских и епархиальных ведомостей и — что особенно ценно — из трудов губернских ученых архивных комиссий, сборников земских статистических комитетов, губернских памятных книжек и тематических сборников. Естественно, что нельзя было просмотреть абсолютно все областные издания того времени. Это задача местных библиографических справочников. Но все же охват материала настолько полный, что указатель может стать надежным руководством даже для составления местных справочников. Библиография, опирающаяся на такой внимательный систематический просмотр печатной продукции, полезна и интересна не только фольклористам.

Как отмечалось, рецензируемый указатель — четвертый в серии библиографических указателей «Русский фольклор». Система расположения материала в нем примерно та же, что и в трех предыдущих. Она стройна и продумана, получила одобрение рецензентов и научной общественности уже после выхода первого тома, была развита в последующих выпусках и стала традиционной для томов этой серии. Постоянное деление на части, устойчивые заглавия частей и рубрик облегчают пользование указателями, наглядно демонстрируют преимущественное внимание ученых исследуемого периода к тем или иным вопросам.

Четвертый том делится на три части: «Тексты», «Исследования, статьи, заметки», «Учебная и методическая литература. Библиографические обзоры», с последующим подразделением их по жанрово-тематическому принципу. Первая часть открывается разделом «Собрания текстов разных жанров»; за ним следуют разделы, содержащие перечень публикаций примет и суеверий, заговоров, обрядовой поэзии, загадок, пословиц, сказок, былин, духовных стихов, баллад, исторических, солдатских, лирических песен, частушек, народного театра. Затем составитель отступает от жанрового принципа и располагает материал по исполнителям, социально-профессиональным, возрастным и конфессиональным группам: творчество сказителей и народных певцов, рабо-

¹ Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959. Сост. М. Я. Мельц / Под ред. Астаховой А. М. и Луппова С. П. Л., 1961. 402 с.; То же, 1917—1944, Л., 1966. 683 с.; То же, 1960—1965, Л., 1967. 539 с. Рец. В. Я. Проппа на эти издания см.: Сов. этнография, 1962. № 2 и 1968, № 3.